

Пшеница в этом году уро-
дилась богатая – колосок
к колоску. Дети, да и некоторые
взрослые, тонули в её изобилии с
головой. Золотистый, играющий в
тон солнцу ковёр обступал со всех
сторон село, вытянувшееся в лож-
бине вокруг возвышенности. На
возвышенности в знойном мареве
млела роща над могилами пращур-
ров. Синели православные кресты
среди успевающей народиться
молодой низкой травы. Ничего,
скоро и эту вырвут трудолюбивые
женские руки. Рощу огораживал
кладбищенский забор, резным по-
ясом синеющий в тон крестам. А
в подоле, в несколько рядов-полу-
месяцев стояли избы деревянные.
Крытые соломой, либо дранкой,
либо железом крыши их, словно
шапки и шляпы на людях, при-
крывали то своё, сугубо личное,
что не всем покажешь, продемон-
стрируешь.

В полях работы вдоволь. Ран-

ним утром выходило всем миром
село на пшеницу. Трудился и стар
и млад, да рук всё равно не хвата-
ло. Громыхала в ту пору за запад-
ным горизонтом далёкая страшная
война. Мужчины воевать ушли и
слали, кто редко, кто чуть чаще,
заветные бумажные треугольники,
где от пары строк пытались на-
питься домашние живительными
вестями о сыне, о муже, о внуке,
о брате, о дяде. Приходили иной
раз и недобрые вести в чей-нибудь
дом. Ждали их со страхом – боя-
лись людей, злые вести принося-
щих. Опускались шторы на окнах
избы, куда пришла беда, окропля-
ли святой водой углы. Старухи-
плакальщицы заламывая руки над
головой, взывали: «Держательни-
ца дома Кудава,/ Смотрительница
дома любимая,/ Ты открой дверь
свою пошире,/ Подними повыше
косяки». Дабы дать пройти ново-
преставленному, чтобы предстал
он пред Богом на суд Его.

* * *

– Мама! Мама! – кричала ма-
ленькая босоногая девочка, огла-
шая на бегу округу своим тонень-
ким голоском. Косички её растре-

пались и норовили вконец распу-
ститься. Голубое лёгкое платьице
замялось, ноги и лицо покрывала
сухая земляная пыль, поднятая

---

*Иван Андреевич БУРАКОВ родился и вырос в подмосковной Щербинке. Канди-
дат технических наук, доцент Московского энергетического института. Увлекает-
ся изучением истории периода распада Советского Союза и Югославии, занимается
литературным творчеством.*

Живет в Москве.

озорными пятками с деревенской улицы. Девочка летела, словно крылья соколиные расправила, сквозь пшеницу к группе колхозников, что устроились на обед прямо в поле.

– Куда ты, егоза? – привстала с земли одна из женщин, покрытая белым хлопковым платком. Её тяжёлые натруженные руки держали в руках ложку деревянную, полную каши. – Куда ты несёшься?

– Маришка, дочка-то у тебя легка на помине. Только обедать сели – она тут как тут, – хохотнула, словно кузнечик зазвенел, худая, похожая на спичку женщина, сидевшая здесь же, у общего котелка.

– Я тебе сколько раз говорила – не носись сломя голову! – продолжала первая, пропустив мимо ушей замечание своей подруги. – Посмотри на себя, какая ты растрёпа! – указала ложкой Марина при этих словах девочке на её шевелюру. Женщина оглядывалась вокруг, ища поддержки у колхозников, с любопытством наблюдавших за сценой воспитания и притаившихся, будто прикусивших языки. Слов поддержки никто не произнёс, лишь шептались по полю горделивые колосья под дыханием налетавшего порывами теплого ветра, будто волны накатывали на отмель, где собрались люди отдохнуть.

– Мама... – перевела дух девоч-

ка, надув в обиде от злых слов пухлые, словно ягоды малины, губки. – Пойди к тётё Люсе... Мишу в армию забирают... – наконец-то выговорила она.

– С чего ты это взяла?

– Повестка пришла...

– Вот и ещё одни руки из колхоза уходят, – раскатисто присвистнул дед Митяй, сидевший верхом на арбе. – Кем урожай собирать прикажете?

В ту пору дед в Чукалах председателествовал. Голова у него болела о делах сельских: как урожай для фронта собрать, да как жизнь тыловую налаживать.

– Тебе бы, старый, только о своём балакать, – махнула на деда рукой его жена, примостившаяся здесь же на арбе и медленно расправлявшая тряпицу, заменявшую колхозникам скатерть, а затем поманила маленькую девочку пальцем. – Поди-ка, Машенька, сюда! Не бойся! Я тебя вот кашкой угощать буду.

Девочка смело черпала кашу ложкой, выданной бабушкой, и жадно, практически не разжевывая, запихивала её в себя.

– Не спеши, Машенька, всё твоё, – гладила бабушка её по воронным растрепавшимся волосикам.

– Жуй! Жуй, тебе говорят! – одёргивала её мать со своего места. – Никто у тебя не отнимает!

* * *

На печке было тепло и сонно от остывающего её брюха. Машенька завернулась в закинутый сюда в неизвестные далёкие времена ковёр и клевала носом. Не выводили из сонного состояния девочку ни «шум-гам-тарарам», висевший в избе, ни великое мно-

жество людей, набившихся в этот час в клеть, ни маленький мальчик, сидевший рядом и постоянно что-то бубнивший.

– Макар, Макар, – подала Машенька голос, перебив его.

– Чего? – повернулся мальчик к ней всем телом.

– Я забыла... Почему нас тётя Люся на печку посадила? Я устала здесь сидеть...

– Мама сказала, чтобы мы тут сидели и не мешались взрослым, а то затопчут, – поучительно пробубнил в ответ ребёнок.

В избе задорно пела гармоника, и под её залихвацкие переливы двадцать пар ног бойко выстукивали каблуками сапог танец за танцем. Широкий деревянный стол был сдвинут в сторону – расчистили место танцующим. Мужчины, всё пожилого возраста, были одеты в лучшие свои рубахи да штаны, вытщенные по случаю проводов из закромов, обуты – в начищенные до блеска сапоги. Девушки и женщины, их было значительное большинство, надели лучшие платья, сарафаны. Машенька не могла отвести взгляда от красивых аккуратных сапожек у кого с яркими завязочками, у кого с застёжками, которыми хвастались друг перед другом первые сельские модницы. Она потом только и могла вспомнить эти самые сапожки, что отбивали каблук об доски пола избы, ходившей

ходуном от лихих плясок. Каблуки оставляли на досках зазоры и вмятины, уничтожая гладкую ровную поверхность напольного покрытия.

Миша – худенький чернявый мальчик, которому только исполнилось семнадцать лет, сидел на одной из лавок у стены и смотрел на происходящее вокруг круглыми испуганными глазами. Он не знал, куда деть свой взгляд, и прятал его, то в пол, то в дверь, то на печь, наблюдая за детьми, затихшими там, на брюхе у «матушки». Таким Машенька его и запомнила – худеньким и потерянным.

Чуть позже девочку достали из её «схрона» натруженные материнские руки и под заботливый аккомпанемент родной речи: «Пойдём домой, моя хорошая» унесли в соседнюю избу.

На следующий день двоюродного брата Маши увозили из родных Чукал на телеге. Провожали всем миром.

– Бей там фрицев за всех нас! – напутствовал его председатель. Миша не знал, что ответить, да так ничего и не ответил.

* * *

– Филипп! – кричал от калитки почтальон мужчине, что сидел на завалинке в накинутом на плечи полушубке и курил закрученную из газеты козью ножку. – Прими письмо! – почтальон со словами выдыхал пар – стоял крепкий зимний морозец.

– Чай от Мишки пришло? – тяжело вставая и направляясь к забору по дорожке, расчищенной от снега, интересовался Филипп.

– Нет, – коротко ответил почтальон.

– Ну, давай его сюда. Сейчас посмотрю.

Такие письма Филипп уже ви-

дел. Они приходили в другие дома Чукал, возвещая беду и горе, обрушившееся на живших там людей. Много погибло в ту пору чукальских мальчиков, много слёз пролили по ним матери их.

Вернулся Филипп на завалинку, развернул бумагу, что была ему почтальоном вложена. Руки затряслись, строчки перед глазами стали расплываться.

«Ваш сын, младший лейтенант Китайкин Михаил Филиппович, – гласила бумага, – в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит».

Сухие слова сухого сообщения, но сколько в них тяжести, сколько в них горя спряталось! Мужчина сложил обратно бумагу, медленно поднялся, стряхнул с валенок снег и вошёл в избу. Там в клету он чуть постоял, привыкая к

сумраку, затем нагнулся и затолкал письмо под половицу.

«Мать пусть не знает, – пожалел Филипп жену. – Пусть надеждой живёт, что сын вернётся когда-нибудь».

* * *

За широким столом собрались две семьи. У Филиппа и Людмилы «семеро по лавкам»: трое детей, да один на фронте; и у Андрея и Марины тоже «семеро по лавкам»: и тоже трое детей, все девочки – младшая Машенька. Разместились они в описываемый день в избе у «тёти Люси» на обед. Женщины и старшие дети хлопочут: достают из печи и расставляют на столе незатейливое угощение. Машенька вертит головой вокруг – то на старинные часы-ходики посмотрит, что кукушкой на стене висят и громко щёлкают, отмеряя секунды, то на фотографию отца и матери папы и дяди Филиппа, Машенькиных дедушки и бабушки, то на угол, где расположили хозяева старинные иконы с почерневшими ликами.

– Филипп! – услышали домашние голос почтальона. – Есть кто дома живой?

Андрей вопросительно поглядел на брата:

– Выйдешь?

– Опять от калитки горланит, – досадовал на работника почты хозяин дома – Сейчас выйду.

Вернулся Филипп обратно в избу только тогда, когда все уже расселись за столом.

– Ты чего там долго так? Курил? – спросила его жена.

Филипп оглядел всех вокруг ошарашенным взглядом:

– Письмо от Мишки пришло.

– Так чего ж ты медлишь?! – подключилась к разговору Марина. – Читай скорее, небось, не писал давно.

– Не писал, – согласилась Людмила.

Филипп присел за стол, развернул потрёпанный солдатский треугольник и начал читать вслух, для всех:

«Дорогие папа и мама! Пишу вам из госпиталя. Я живой. Иду на поправку. Видимо, скоро выпишут. Вернусь обратно на фронт. Так что похоронку, что, наверное, вам пришла ранее, порвите и выкиньте...»

– Какая это ещё похоронка? Ведь нам похоронка не приходила? – вскинула в страхе глаза Людмила на мужа.

– Люсь, – поднялся из-за стола Филипп, – приходила похоронка.

С этими словами он нагнулся к заветной половице, чуть отогнул её и извлёк из «схрона» спрятанное там письмо.

– Вот, Филька, шпиён, – только и смог изречь на это Андрей.

* * *

«Школьные годы чудесные...» Войдёшь в свой старый класс, пройдёшь вдоль парт, выстроенных рядами, посмотришь в боль-

шие широкие окна, что пропускают максимум света. Окинешь взглядом доску, выкрашенную аккуратным слоем чёрной краски,

возьмёшь мел из картонной коробки, что ожидает тебя уж второй десяток лет на учительском столе, и напишешь на гладкой деревянной поверхности строчки стихотворения Макаренковой Елены Михайловны: «На поляне перед школой выпускник стоит./ «Ты прости, родная школа, – тихо говорит – /Я тоскую, вспоминаю, ведь тебе обязан всем!/ Ах, как трудно расставаться с детством мне совсем». Или если не уместить четверостишие в отмеренном тебе чёрном прямоугольнике, то можешь ограничиться простым обращением: «Школа, я скучаю!» – оно точно поместится.

Именно в таком классе Чукальской сельской школы сидели в то утро дети. Машенька, как прилежная ученица, за первой партой со своей подругой Риммой обсуждала тему, которую и другие ученики уже вдоль и поперёк успели обговорить.

– Куда это учительница пропала? – вертела головкой девочка.

– Она, наверное, проспала и не придёт, – пищала Римма в ответ.

Урок должен был начаться уже как минут двадцать назад, но Веры Степановны до сих пор не было. Дети создавали значительный шум, однако никто из учителей на него не реагировал.

– Что-то случилось, – вслух озвучила свои мысли Машенька.

В коридоре послышались быстрые шаги, затем дверь в класс отворилась, и на пороге появилась Вера Степановна. Дети встрепенулись и затихли.

– Ребята! – радостно произнесла учительница. – Война закончилась! Мы победили!

Дети, не осознавая смысла произнесённых слов, сидели, боясь нарушить тишину.

– Победа, ребята! – продолжа-

ла вещать с порога Вера Степановна. – Победа!

И тут до мальчиков и девочек дошло всё сказанное их учителем. Они вскочили с мест, кто-то схватил с парты тетрадку и кинул над головой:

– Ура! – дружно разносилось в классе – Победа! Наши победили!

И вот уже вся школа, все десять классов, под предводительством своих классных руководителей дружно маршировали по сельской улице в направлении центра села. Шёл весенний дождь, под ногами голодно чавкала распутица. Пока дошли – все были перепачканы. Но это ничего. Ведь сколько счастья, сколько радости! На центральную площадь стекались жители из домов, ехали с полей колхозники на телегах. Над чей-то головой победоносно взвилось алое знамя, несли портреты вождей – Ленина, Сталина. Раздавался залихвацкий мотив гармоники, песни, а кто-то плакал навзрыд. И над всем этим людским потоком нёсся монументальный голос из далёкой Москвы: «От советского информбюро... Граждане и гражданки Советского Союза. Великая Отечественная Война победоносно завершена!»

На центральной площади споро, для своего возраста, на телегу влез председатель.

– Дорогие односельчане! – начал дед Митяй, и все разом притихли. – Поздравляю вас с Победой! Выдержали, выстояли всей страной! Всем миром! Спасибо вам и детям вашим!

Стояла тишина, шумели потоки воды, лившие с неба, будто оплакивая тех, кто до этого дня не дожил. Сотни внимательных пар глаз и ушей жадно хватали каждое слово уважаемого человека села, что сейчас выплескивал всю свою радость на суд людской.

Прошло больше года с того радостного дня. Возвращались с фронтов мужчины – село оживало пуще прежнего. Поля были запружены работниками всех возрастов.

Филипп ждал сына, но сын появляться не спешил, и отец в который раз доставал то самое радостное письмо из госпиталя, затем

брал проштампованную похоронку. Перечитывал сначала письмо, следом похоронку и думал: «Может, мне всё это кажется? Может, не было никакого письма из госпиталя, а Мишка всё-таки погиб?»

В эти моменты, наблюдая за мужем, Людмила думала, что он за последнее время сильно постарел.

Машенька увидела у соседского дома молодого, высокого, красивого офицера в кожаных сапогах, с перекинутой на ремне дорожной сумкой. Он уверенно вошёл во двор и бодрым шагом направился к крыльцу.

– Их никого дома нет! – предупредительно сообщила незнакомцу девочка. – Они все в поле.

Мужчина повернулся на голос, разглядел сквозь распутившуюся листву на деревьях Машеньку и быстрым шагом направился теперь к ней.

– Это кто ж тут у меня? – задал он вопрос, поравнявшись с калиткой Машиного дома. – Никак, Машенька?

Что-то знакомое девочка уловила в голосе, во взгляде, в походке. Перед глазами встал тот растерянный худенький мальчик,

что сидел в клети на лавке и уезжал уже после на телеге из села. Мальчик этот остался в прошлом. Сейчас перед ней стоял статный молодой мужчина, крепкий, мускулистый, возмужавший, и лишь всё ещё детские искорки глаз выдавали в нём того семнадцатилетнего подростка, ушедшего на фронт три лета назад.

– Миша! – кинулась к нему девочка. – Братик!

Они крепко обнялись и стояли так некоторое время.

– Дай я тебя рассмотрю, – чуть отстранил брат от себя девочку. – Какая ты большая стала!

Маша промолчала. Она была рада, что Миша вернулся.

– Пойдём, польёшь мне из ковша. Я с дороги умоюсь, а то весь запылится.

